

Беседа с Георгием Георгиевичем Шамборантом у него дома в Москве 4 июля 2003 года

Вставлены некоторые эпизоды, о которых Георгий Георгиевич рассказал **15 апреля 2004 года**, когда в «Мемориале» отмечали его 90-летие, а также дома **24 мая 2004 года**.

Я присутствовал при всех без исключения конференциях, создававших «Мемориал», когда мы организовывались, выбирали членов и т.д., руководство. Участвовал в первом конкурсе проекта общества. Первая идея была сделать памятник жертвам. На этой идее стали собираться люди, сразу повалили со всех сторон. Это еще до Недель совести. Я пошел в сберкасса и передал 50 рублей на этот памятник. У меня даже где-то квитанция валяется.

Я с тех пор в «Мемориале». Я пробовал писать уставы. Я член совета или президиума ПЦ, как он там называется, по крайней мере, был. Пока ездил. Сейчас мне очень трудно доехать, так как я почти ослеп. Вижу два слова с сильной лупой. Это потеря остроты зрения и поражение сетчатки. Операции мне все сделали, которые можно было сделать. После операций я вижу, а так дело шло к полной слепоте.

По-видимому, это наследственное. Потому что у меня был мой пра-пра-пра-прадед, Шамборант, так его жена Вельгельмина после 1812 года писала письмо военному министру в свое время, что вот он столько лет прослужил в армии, участвовал во всех войнах и так далее. А сейчас почти совсем ослеп и не может даже обеспечить содержание своих сыновей в гвардии. Но это уже было позже, в 40-50-х годах. Письмо сохранилось в военном архиве.

Сейчас в России едва ли у кого есть информация о нашем роде. Шамборант – это граф. Я остался один. На мне пресекается род. А во Франции это случилось раньше – в 1830 году. Последним был генерал, Наполеоновский гусар. Он отличился тем, что в конном строю захватил английский корабль. Они, англичане, подошли к берегу заpastись водой. А разъезд Шамборанта был рядом, увидели, и захватили – и корабль, и англичан. В честь него назван полк. Гусарский полк графа де Шамборан, который и сейчас существует во Франции. Он принимает участие в парадах, верхом, в мундирах старинных, для торжеств, ну, как у нас конная милиция. Есть гравюра замка Шамборанов, он разрушился в 1070 году, XI век.

Есть моя родословная. Мне привезли мои французские родственники. Но меня на ней нет. Подчеркнут Жан-Батист, мой пра-пра-прадед. Он привез сюда своего сына. Вот он-то стал инспектором кавалерии, а его сын Виктор Иванович – генерал российской армии, похоронен здесь в Москве на Немецком кладбище, вместе со своей женой.

У Брокгауза есть два Шамборанта. Там правильно написано Шамборан-де-Вильвер Иван Иванович и Виктор Иванович. «Т» на конце в фамилии – так перевели наши грамотеи.

Первый перебрался в России как раз Жан Шамборант. Это 1793-й год. Его двоюродному брату голову отрубили, он не захотел оставаться.

Он был инспектором кавалерии при Екатерине. Организовывал регулярную кавалерию, то есть кавалергарды, гусары, драгуны.

Моя дочка Оля ездила в Париж для закупки какого-то там оборудования. Они там заинтересовались, что-то у нее такая французская фамилия. Она объяснила, что да, французское происхождение. Рассказала, что одному из ее прадедов отрубили голову на Гревской площади, и родственники переехали в Россию, им не понравилось, что голову рубят.

Французы тут же набрали на компьютере нашу фамилию, и получили данные. У меня много родственников во Франции.

Шамборант я один. Мои дочери сохранили фамилии, но не передали. А мужчин нет. Я всех мужчин знаю поименно. Последних трех дядей знал лично. Деда помню очень слабо. Он умер в 20-х годах от тифа.

Дело в том, что моя бабушка вышла замуж неудачно.

Почему? Потому что когда у нее родился второй ребенок, она обнаружила, что она практически разорена. Потому что ее муж, мой дед, Александр Викторович, проиграл колоссальную сумму. В Петербурге, в Москве. Это было примерно тогда, когда мой отец родился, в 1891-1892 году. Бабушка жестко очень обошлась с мужем. До этого мой дедушка успел прокутить и свое собственное имение. То есть не свое, а своей матери, Аничковой. Его отец Виктор Викторович женился на Елизавете Александровне Аничковой. И вот он уже растранижил имение. Они его заложили, перезаложили и еще раз, и не успели ничего внести в залог. И они потеряли имение.

Бедная Елизавета Александровна, моя прабабушка жила в Москве на квартире, которая ей снимала моя бабушка, Мария Ивановна, и держала около нее прислугу. Она снимала здесь квартиру для своей свекрови, Аничковой. Где-то в Скатертном переулке. Я даже там был когда-то в 20-х годах. Прабабушки тогда уже не было, она умерла 1910-м году, но квартира была еще. Какое-то время там бабушка жила, а потом к нам приехала.

И вот тогда она, Мария Ивановна, категорически рассталась со своим мужем. Категорически, имея трех сыновей. Тем не менее, она рассталась, назначив ему пенсию. Условия были такие: или полный развод и вообще ничего, или пенсия и - удаляйся. Так он и сделал. Ему адвокаты бабушкины объяснили, что это безусловный вариант. Либо так, либо так. Никакого другого варианта не может быть. Если в суд обратится, то он ничего не выиграет. Он страстно играл, во все, во что можно играть. Последние деньги он проиграл в Вене. Вот оттуда бабушке пришел счет на около 2 миллионов рублей. Царских! В те времена! Бабушка вынуждена была продать свое имение.

Бабушка, мать моего отца, хорошего рода, она с польскими кровями. Ее мать, урожденная Бобровская, была двоюродной сестрой той ужасной детской писательницы с польской фамилией. Чарская тоже плохая, но та еще хуже. Не могу вспомнить сейчас фамилию. Вспомнил – Желиховская, была такая детская писательница. Я ее еще читал. Она и моя бабушка Бобровская были двоюродные сестры. А отец бабушкин -

генерал Любимов, герой войны крымской, рано умер от ран. Бабушка моя Любимова.

Вот, и бабушкины адвокаты пригласили Александра Викторовича. Он согласился на пенсию.

Хотя он приезжал к нам иногда, я даже помню. Я родился в 14-м году, а году в 16-17-м он приезжал, качал меня на коленях. Потом, помню, у него была борода и усы. Такие рыжие усы. И я помню, как мне было неприятно, когда он стал лизаться. Он качал меня на колене и по-французски пел песенку.

Кстати, его можно найти в Интернете как художника. Он рисовал батальные картины, я не видел ничего, ни одной его картины. А последние годы он работал художником в Нижегородском театре.

Бабушка с нами жила до 27-го года твердо. Всегда. За исключением войны. В войну я тоже помню бабушку, потому что я же остался один...

Мой отец Георгий Александрович, так он имел очень сильную близорукость, (всегда в пенсне, у него было минус восемь) он был определен в училище правоведения. Окончил его, поступил в юридический университет. После окончания правоведения, нужно было еще год-полтора проучиться, сдать какие-то диссертации и получить полное юридическое образование. Потому что правоведение не считалось высшим образованием. Нужно было еще подтвердить в университете. Вот он поступил в Дерпт. На основании чего моя мама в своих автобиографиях впоследствии писала, что она вышла замуж за студента.

А братья отца, как и положено им было быть, поступили в кадетские корпуса, и, окончивши, поступили в военные юнкерские училища. Один, я твердо знаю, Борис, младший, он окончил Александровское военное училище. То, которое было в Кремле, которое сейчас, так называемый, президентский полк. Раньше него окончил училище Лев, и Лев поступил... Бабушка считала, что нет смысла держать их в гвардии. Потому что гвардия, она считала, это заведение непристойное для порядочных людей. Там играют, слишком много пьют. Поэтому она его определила в Нижегородский драгунский 17-й Его Величества полк. То есть там, где был Лермонтов в свое время. И Борис туда же, после того, как он окончил. Разница у них было полтора года. Оба они попали в один полк, и с ним воевали до последнего. Несколько раз оба ранены. Они честно служили до принудительной эвакуации после Гражданской войны. Судьба у них сложилась по-разному.

Борис попал во Францию, прошел через шоферские курсы, через такси в Париже. И нашел наших родственников во Франции, которые остались со времен французской революции.

Там, правда, пресеклась линия значительно раньше, чем на мне. Вот на мне пресекается линия, у меня ведь только дочери, я говорил. Кажется, сербский мой брат исправил положение, я надеюсь. Те французские были уже не просто Шамборанты, а они были Белёк, де Белёк де Шамборант.

Когда умер последний полноценный Шамборант, какой-то очевидно император французский, Луи-Филипп или и еще кто-то, разрешил

потомству дочка носить двойную фамилию. Специальный указ был. И вот они существует. Причем их очень много. Дважды ко мне сюда приезжали недавно - Анри и Жак. Они нас с Верой Леонидовной приглашали на две недели в Париж. Со всеми формальностями, с гербовыми марками, только денег не предложили. Думали, что раз они могут доехать до Москвы, два пенсионера, значит, и мы в состоянии.

Борис нашел нас раньше. В деле 27-го года фигурирует письмо Бориса к моей маме из Франции. Он обожал мою маму, он считал, что лучше ничего не может быть. Он даже ездил знакомиться с ее сестрой, хотел на ней жениться. Но так и не женился до 36-37 года. А потом все же женился, тоже на эмигрантке, в Париже. Твердо известно, что он умер 17 августа 1939 года. За 17 дней до начала войны.

Ольга была на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, видела его могилу. Есть фотография его надгробной плиты. Там написано: «Ротмистр граф Шамборант Борис Александрович». Борис умер, и всё, концы в воду. Больше ничего я о нем не знал. Только когда приехали из Франции мои далекие родственники, фантастически дальние...

Ольга нашла их вот тогда, когда поехала в Париж в командировку. Она знает французский язык более-менее. Старшая дочь, Елена, знает хорошо французский. Верочка лучше меня знала французский язык. Я же жил, даже представить себе невозможно, в какое время я жил. Очень, ну очень плохо я знаю французский. Ну, что я там с бабушкой занимался? Мы с ней играли в лото, такое было лото на французском языке, потом в школе у меня оказался немецкий, в институте английский. Дочек мы обеих уже учили, причем по-настоящему, не так как я.

Нам рассказали, что Борис, он был таксистом в Париже и, проезжая мимо антикварного магазина, увидел фамилию хозяина – Белёк де Шамборант. А они знали о существовании русской ветви, они его пригласили, сделали управляющим своим магазином. Борис нам тогда еще писал. Эти письма гебисты тоже взяли, на них номер стоит синим карандашом.

Лев, он был в другой воинской части, белой. Поэтому он отступал через Румынию и попал в Сербию. В начале 20-х годов мы получили от него письмо, что у него все благополучно, хорошо, что он работает по специальности. До хрущевских времен мы про него ничего не знали. А в хрущевские времена мы узнали, что ему 90 с чем-то лет, что после окончания работы он освоил буровое дело, стал буровым мастером, в Сербии. У него двое детей, сын и дочь, причем, он не называет свою жену, стесняется, наверное. Свой дом у него был в городе Вршац, провинция Воеводино. Сравнительно большой город, центр нефтяной промышленности, ну, тогда Югославии. Началась переписка. Он писал маме, все они обожали мою маму. Мы ему послали даже посылку. Он писал, что мечтает о селедке, о гречневой каше и о русской водке. Мы ему такую посылку организовали. Потом мама испугалась почему-то и перестала переписываться. А сейчас... Почти утерян адрес. Я не могу понять, не могу отправить туда письмо. Фамилия у них наша. Он же пишет. Хотя русский язык уже плохой, забыл, наверное.

А у нас у всех был один адрес: Арбат, 27. Угол Староконюшенного и Арбата. Там была квартира дяди моего отца, Владимира Викторовича, последнего сына Виктора. Кузен деда Александра, которого бабушка отлучила. Он служил в армии, конечно, потом вышел в отставку. И был заведующим иностранным отделом московского почтамта. У него была громадная семья. Была у него масса дочерей, был сын, самый младший Владимир. Еще был дядя Петя, дядя Коля. Вот та ветка, она все совершенно неожиданно оказалась на красной стороне, большевистской.

Они были все относительно небогатые. Успели растратить все, еще прадед успел, Виктор Викторович. Он же получил на свои заслуги поместье в Житомирской губернии, и от поместья ничего не осталось.

Столько детей! Его жена писала, что пенсия мала, что они не могут содержать своих детей в гвардии. Нужно перевести их в армию. Потому что в гвардии было очень дорого служить. Надо было соответствовать. Нужно было иметь хорошую очень квартиру, дорогую. Надо было иметь выезд. И за свой счет. Гроши же платили в гвардии! Условно, никто этих денег и не получал даже. А в армии дешевле.

Бабушка вот тоже помогала своим сыновьям. Ну, например, она каждый год посылала четырех лошадей со своего конного завода.

Вся та линия Шамборантов, как это ни ужасно, оказалась на стороне красных. Там были 3 брата, Владимировичи – Петр Владимирович, Василий Владимирович, Николай Владимирович, они все моему отцу двоюродные дяди. Дядя Вася, по-моему, не был женат и был художником. Одна из моих теток, ее отец, офицер, ушел с белыми. Она вышла замуж за брата известного теннисиста, который был чемпионом России. Забыл фамилию. А ее муж был шофером в посольстве Шведском. Это мы теперь знаем, что значит быть шофером в посольстве. Другая тетка вышла замуж за полковника царской армии, который был даже героем Порт-Артура. Он был полковником последние годы царской власти. Он-то и перешел на советскую сторону. Ротайский, он был в Красной армии командующим 8-й Красной армии, которая защищала Воронеж и была разбита Шкуро и Мамонтовым.

После того как Ротайский проиграл битву за Воронеж, Троцкий его больше на командные должности не назначал. А он работал в штабе ЧОНа, частей особого назначения. Я боюсь, что он разрабатывал операции против казаков. ЧОН же разрабатывал такие операции, против казаков и так далее. Потом он вышел в отставку и успел умереть до всех событий. Дочка одна у них была – Людмила. Троцкий возил все их семейство в своем поезде военном. Возил в своем поезде бывшего царского полковника Ротайского, чтобы он не изменил, не сбежал.

Милка Ротайская хвасталась, что она сидела у Троцкого на коленях. А Володя Шамборант мне говорил, что ей тогда уже было 16 лет, и она не могла поместиться на колени к Троцкому.

У дяди Коли было двое детей. Он был офицер, все были военные. И он совершил необдуманный поступок – женился на цыганке. Ему пришлось уйти из полка, то есть его исключили. Было двое детей, мальчик и девочка. Во время революции они исчезли, и никогда больше не появлялись, никто, мы никого не нашли.

А ведь был сборный пункт – Арбат. 27. Она была когда-то целый этаж. Принадлежала Владимиру Шамборанту. Много комнат. Там все жили и сестры и братья, я уже сбился со счета, сколько их было. Потом их, конечно, ужимали. Но адрес все равно остался.

Со всем этим семейством существовала определенная напряженность. Мой отец никогда туда не ходил. Он презирал Петра Владимировича, потому что он тоже служил в Красной армии, где-то железнодорожных войсках. Был у него небольшой офицерский, командирский чин. Потому что его выпустили из юнкерского училища прапорщиком. Это – позор! Должны были выпускать хотя бы подпоручиком. Прапорщик – это позор, значит, он плохо учился.

Петр Владимирович женился на Анне Петровне, которая была очень революционно настроенная, она была даже во время восстания на Красной Пресне в госпитале у этих, у красных. Дворянка конечно, а как же, она – Успенская. Петр Владимирович каким-то образом засветился там, на той стороне. Суд был, его разжаловали в солдаты. Он офицерский чин получил только во время войны 14-го года. На войну ушел рядовым, а там уже получил какой-то небольшой чин. А дальше Ротайский его приспособил к железнодорожным войскам. Где он и служил до демобилизации. А потом он не нашел себе места в жизни. Он умер 27-м году, его тоже выслали вместе со всеми нами. А потом он жил Александрове, работал в больнице медбратом. А жену почему-то не выслали, даже не арестовывали.

Вся компания, все тетки Шамборанты и Гильдебранты потом разменялись.

Одна из теток моего отца, сестра Петра Владимировича, Аделаида, вышла замуж за Михаила Гильдебранта, и они родили мальчика. У них где-то в Житомирских губерниях были поместья, они там и снюхались. Он был до отставки каким-то офицером. Когда началась война, его мобилизовали. Остался сын и жена. Во время революции, когда развал фронта начался, он пытался уйти в Житомирское поместье. Какие-то слухи пошли, что он возвращается с фронта. И Аделаида, его жена, кузина моего отца, оставила мальчика Алешу своим сестрам, а сама поехала искать мужа. И все – конец, больше никогда ни о нем, ни о ней мы ничего не смогли узнать.

Алеша вырос у теток и женился на своей двоюродной сестре Алле Шамборант. Родили двоих детей, дочку и сына.

А мой Володя, Владимир Петрович интересовался исключительно лошадьми. Он окончил лошадиный факультет и ветеринарный, учился в Тимирязевской академии. Сейчас во Владимирской области есть конный завод имени Владимира Шамборанта. Он был крупнейший специалист. Он восстанавливал ахалтекинскую породу. Я многократно был у него на заводе. Он увел своих ахалтекинцев с Терского конного завода в Дагестан. Потому что ахалтекинцы прекрасные лошади по красоте, но они не имеют такой скорости, как скажем, кровные английские лошади. Английские самые быстрые. Пускали в производство в течение веков только тех, кто показывал очень высокие секунды. А Володя, когда был начкомом – начальник конной части – ашхабадского конного завода, восстановил ахалтекинскую породу. Он много раз был женат. Жена

Володина, последняя, работала киномехаником. В результате она сейчас почему-то получает военную пенсию, а у меня есть все основания ее опасаться.

Высланы тогда, в 27-м, были мы все: я с родителями, Петр Владимирович, Елена Владимировна, ее муж. Все высланы были в разные стороны, а потом все стеклись к нам в Воронеж. Образовалась вся высылка из-за Зорина Павла Георгиевича, нашего родственника. Он женился, была его свадьба. И всех обвинили в том, что на свадьбе произносились антисоветские тосты. Донесли, конечно, я точно знаю, просто по протоколам. Донесла мать невесты Поля Зорина. Он, конечно, с ней быстро развелся.

Всех сослали, один папа получил все-таки 5 лет Соловков. А Поль в Воронеже себе нашел другую жену. В Воронеж они потом все постепенно переехали. Обосновывались у нас, пока не находили свои возможности.

Но это было после, уже в 27-м году. А до того...

Так как мой отец был непригоден к военной службе, а пытался.. Он пытался пройти вольноопределяющимся. Как брат моей мамы, Костя, дядя Котик. Они вместе учились, откуда и знакомство с моей мамой произошло. Отца забраковали из-за глаз, он был абсолютно близорукий. Рассматривал всегда близко-близко. Снимет пенсне, и подносит к самым глазам.

Для армии это не годится, в его документе написано, что он ратник второй категории, то есть в запасе. Когда его в армию не взяли, он обратился к шефу своего училища. Он уже кончал училище правоведения. Он обратился к шефу своего училища принцу Ольденбургскому. А принц Ольденбургский был начальником санитарной службы царской армии. Отец обратился к нему. И тот направил отца и папиного приятеля и соседа по дортуару Алехина Александра. Шахматиста. Папа говорил: «Я очень много играл с Алехиным». Потом делал некоторую паузу и продолжал: «И не разу не выиграл».

Сначала отец работал в каком-то складе Красного креста, а потом попросился в армию. Их обоих принц направил в передвижные, назывались «передовые перевязочные пункты». Вот как это называлось сперва – «передовой фронтной 9-й перевязочный пункт». Это прямо на границе артиллерийской стрельбы. Там перевязывали и отправляли дальше. Потом он разросся до санитарного поезда и передвижного госпиталя во время гражданской войны.

И мама окончила курсы какой-то княжны. Не имени, а под шефством какой-то княжны медицинские курсы. До этого мама окончила только гимназию Псковскую. Есть у меня документ.

Причем в 27-м году это свидетельство об окончании псковской гимназии было взято в НКВД. Когда мне отдавали, я спросил: «Зачем вы взяли документ об образовании? Зачем он-то вам?» Мне отвечают: «А как же? Там написано – дочь действительного статского советника».

А мой дед, Карамышев Модест Модестович. Титула у них нет, но фамилия стоит титула. Карамышевская набережная - это усадьба Карамышевых. (Ударение на Ы). Очень древний род, татарского происхождения. Но уже при Иване Калите, может и раньше, они уже были на русской службе.

Дед умер в 1908-м году. Он был камергер и действительный статский советник. Это вторая ступень в табели о рангах. Самая высокая - это действительный тайный советник. А вторая - действительный статский советник, то есть полный генерал. Есть фотография моего деда Карамышева, маминого отца. Но пришлось оставить только одно лицо, потому что он был снят в мундире камергера, мама оторвала. Мамин аттестат тоже изъяли при аресте. Я потом спросил: «Зачем вы взяли?!» Мне ответили: «Ну, как же, здесь же написано действительный статский советник». Из-за этого взяли...

У мамы, Ольги Модестовны, была большая семья - пять сестер и три брата. Две сестры умерли: тетя Аня и тетя Мура. У всех были неполадки с почками, умерли рано. Тетя Мура умерла, я уже существовал. Лева Шамборант как раз ездил смотреть Муру. Остались три сестры - тетя Ляля, тетя Тося и моя мама.

Модест это фамильное мужское имя Карамышевых, постоянно жили Модесты. Старшего сына тоже звали Модест, а дома - Модя. Мой дед Карамышев, он был предводителем Псковского дворянства, но каким-то образом умудрился остаться практически без имения. У него была только мыза под Псковом и 400, кажется, десятин земли в Волыни, граница Польши и Украины. Из них 200 десятин были как приданое тете Тосе, когда она вышла замуж за офицера Якубовского, и 200 десятин моей маме.

Олег - сын тети Тоси. Они жили в Волынской губернии, до тех пор, пока мы не оккупировали Польшу. Они оказались там после революции. С тех пор контакты потерялись совершенно. Мы ничего не знаем.

Тетя Ляля, старшая мамина сестра, была замужем за военным аташе в Сербии. Они потом так и жили в Белграде и умерли там благополучно. Мама говорила, что тетя Ляля просила меня не таскать по фронтам, а ей отдать. Мама почему-то побоялась и очень жалела, что она меня не отдала сестре. Мама себя за это казнила всю жизнь.

Карамышеские братья тоже жили в Волынской губернии, ничего о них не известно. Я только знаю, что они были военные и очень успешно воевали на белой стороне. Потом они оба жили в Волыни.

Моя бабушка - Ольга Антиповна Карамышева, в девичестве Гаврилова. Меня возили специально в Петербург, для того чтобы бабушке показать. Бабушка приехала из Пскова в Петербург. У моих родителей там была квартира на Литейном проспекте. Туда приехала сестра моей мамы со своим сыном Олегом Якубовским, который был примерно на полгода старше меня. И меня привезли показать бабушке. Но это было, наверное, в 1916-м году, я ничего не помню.

Сейчас Ольга, моя дочка Ольга, была во Пскове, ее там таскали по музеям. Очень обрадовались тому обстоятельству, что еще кто-то жив.

А познакомились родители... Дело в том, что имение Карамышевых было недалеко, во Пскове. (А наше - в Курской губернии). От

Петербурга-то во Псков - это ведь рядом. И на зимние каникулы, короткие, Котик пригласил моего отца к себе домой. Все тут же случилось. У меня есть фотография, если найду. Мой отец, мама, мамина сестра Мура, ее братья и мой отец там пикник устроили. Мой отец смотрит на маму как кот на сахар.

Я родился в 14-м году. В Тимском уезде, деревне Дурновке. У моих родителей был конный завод, я родился на конном заводе.

Каждого жеребенка мне приносили в дом, показать. Вот родился жеребенок, и мне его приносили в комнату. Уже когда он стоит на ножках, мне его приносили. Я это твердо помню.

Тогда же каждый день запрягалась какая-то повозка в соответствии с климатом – сани там, то ли тарантас, то ли что, и мы с нянькой ездили кататься. Каждый день, зимой и летом. Пока мы там жили. И верхом меня тогда же и посадили.

Твердо я помню, сам я ездил с папиным ординарцем во время войны, когда перебирался куда-то наш отряд. Папин ординарец, пожилой человек, у него дети были, может, и внуки остались там, в деревне. Ко мне он очень хорошо относился. Он сажал меня вперед, перед собой. Я много ездил с ним. Устану, меня ссадят, покормят, потом опять. Так я с ним ездил. Осознанно я начал ездить позже, во время войны, когда я попал на Кавказ во время войны, в 42-м году.

Потом был такой случай, что приехал Врангель навестить какого-то раненного полковника. Причем кавалькада. Я помню эту кавалькаду в лицо. Я помню, один человек был в белой черкеске. Вот это я помню.

Я видел Керенского!! Еще до гражданской войны, я видел Керенского. Это мне рассказали. И то, что Врангель, мне тоже рассказали, я же не знал, как его зовут. Они слезли, поставили лошадей около наших лошадей. И ушли. А я с нянькой гулял.

- Хочу ехать верхом! Вот на этой лошадке.

- На этой нельзя.

- Нет, я на этой хочу!

Я ехал на лошади Врангеля!!! Причем самостоятельно. Ну, она почувствовала, кто на ней сидит. Побежала прямо к яслям наших лошадей, и меня туда подкинула. Значит, я через ее голову – туда, упал прямо в ясли. Я же не мог удержать на лошади.

А Керенского я видел каким образом. Когда уже начала разваливаться армия, та еще, мой отец служил в Юго-Западной армии, и командующий был Брусилов. И вот мы стояли в большой школе, у школы был громадный плац. В углу плаца стояла лебедка и висела колбаса – наблюдательный аэростат. Колбаса называлась, она висела на страшной высоте. На тросе висела колбаса и корректировала огонь нашей артиллерии. Поскольку наш госпиталь прифронтовой, мы всегда были в зоне канонады.

И вот там состоялся митинг солдат и раненых из госпиталя и пришедших из местных частей. И какой-то человек, ему вынесли пюпитр, и он произносил очень горячую речь. А мы с няней гуляли на плацу. Меня поразило, что он достал револьвер и стучал по этому пюпитру. Я это запомнил. На меня это произвело впечатление. Потом мне объяснила мама: «Так это же был Керенский! Он же приезжал

агитировать на Юго-западный фронт, чтобы продолжали войну. Вот и все».

Я прошел всю войну – одну и другую – 1-у империалистическую и гражданскую. Причем я был в действующей армии. С трех лет. Когда нельзя было уже жить в доме, в имении Дурновке, в Курской губернии.

Там сейчас сахарный завод, реконструкцию которого начали мои родители. Завод принадлежал моим родителям, они начали его реконструкцию, привезли котлы. Какой-то бельгийский инженер этим занимался, он начал с того, что реконструировал силовую станцию. Потом стал один из крупнейших заводов.

От дома нашего ничего не осталось, все сметено. Мы ехали с мамой как-то из Крыма, в 24-м году, возможно. Я не очень хорошо помню, мне было 8 лет или 9, мы ехали из Крыма. Мама вдруг забеспокоилась, давай, говорит, слезем.

Мы слезли, отметили там билет. Там километров 10-15 до нас. Добрались. Мама ходила и говорила: «Вот здесь был погреб, здесь были конюшни, здесь был коровник, здесь была купальня на Сейме». У нас по территории протекал Сейм. «Здесь была роща, здесь была аллея». Спленные пенёчки я видел. Даже площадка, где я играл. Там от балкона дома шла аллея к купальне, было такое расширение, был мой песок. Вот, идя уже от того места, где был дом, мы на этом месте нашли рояльные ножки. И встретили женщину, которая вернула мне две, нет, три серебряных вещи: вилку, ложку и маленькую ложку. Она узнала маму и сама принесла, рассказывала, как грабили. В деревне они нас принимали...

Есть книжка, как-то она называется вроде «оформление советской власти в Курской губернии». Нет, не оформление, а установление. Там написано, что и сколько, что, например, разграблено 5 тысяч пудов кормовой соломы.

Кормовая солома – это особая вещь, это не просто солома. Это подсеивалась специально вика и овес. Потом молочной спелости это скашивалось, и этим кормились лошади, и там еще коровник был небольшой.

Было у нас достаточно большое количество земли, около 2 тысяч десятин. Основная культура была сахарная свекла, потому что был же сахарный завод. Но нельзя же одну свеклу сеять, надо менять, там трехпольная какая-то система, я слабо разбираюсь. Часть засеивалась и пшеницей, а большая очень часть засеивалась викой – это гороховое, ползучее растение. Овес с викой достигал определенного роста, их скашивали и сушили. Вот это-то и была кормовая солома.

Бабушка правильно вела свое хозяйство. Не только материально, но и по-человечески. Она способных мальчиков, которых ей рекомендовали учителя, отправляла учиться. В реальные училища и даже в институт. В воронежский сельскохозяйственный институт. У нее свои были агрономы, свои животноводы. Уже выпущенные незадолго до революции.

Даже была однажды такая встреча, когда мы жили в Воронеже. Мы с мамой шли по проспекту. Большая Дворянская раньше называлась, потом проспект Сталина, конечно, потом проспект Революции. Вот мы

шли по этой Большой Дворянской, и вдруг какой-то громадный человек закричал: «Оля!» Схватил мою маму, которая была маленькая, и начал ее кружить. Оказалось, это был агроном из бабушкиного хозяйства, который знал маму в те времена еще. Потому что там было много молодежи, они все между собой общались. А он приехал на какой-то съезд агрономический в Воронеж. Вот встретились случайно.

Ох, бабушка моя была мудрая женщина. Она очень хорошо вела хозяйство своих сыновей. Было большое скотоводство, конный завод, на котором было около 70 кобыл только. Бабушка была очень прогрессивная и успешная. Она там завела сementальскую породу. Причем, каким образом? Она завела сперва себе. А потом телок практически даром раздавала крестьянам, окружающим, кто жил недалеко. Практически даром. Скажем, телка стоила 5 рублей, а она раздавала за рубль. Но с одним условием, чтобы бычков ей отдавали. Уже по нормальной цене. Сколько бычок стоил, столько бабушка и платила.

Был устроен откормочный комплекс. Часть из них, которые были более ласкового нрава, они превращались в волов. А часть – так называемое, черкасское мясо. У нее был коровник длиной 50 метров. Каждый год сдавали до 50 лошадей в армию. Бабушка заключила контракт на поставку армии ремонтных лошадей. Сперва у бабушки были, еще от ее отца, орловские лошади. Даже бегали в Москве.

Даже мне показывали документ из Министерства сельского хозяйства. Какой-то предприниматель, который содержал конюшни, пишет письмо бабушке, что ее лошади получили какие-то призы, сколько израсходовано на корм, сколько полагается наездникам. И итогов бабушке полагается там столько-то. Мне показывали документ. Владимир Петрович, который лошадаятник.

Так вот, когда уже нельзя было оставаться в доме, меня взяли с нянькой в действующую армию. Папа, мама и мы. А бабушка уехала в Москву, спасалась здесь. Ее вывезли какие-то сердобольные солдаты, артиллеристы, на снаряжном ящике. Двуколка для снарядов. Она взяла с собой только сверток с фотографиями и комплект соловой посуды, ложку, маленькую ложку, вилку, ножик. Сколько я себя помню, я помню этот нож. Он существовал всю мою жизнь. Столовый нож, из серебра Кутузовых. Лезвие, конечно, меняли, я последний раз сам менял. Ручка из серебра Кутузовых, потому что мама моя Карамышева, они какие-то родственники Кутузовых. И у них много было вещей от Кутузовых. В частности походные часы Кутузовых были, такие, в кожаном футляре, я их помню. Но потом они куда-то подевались.

В армию я попал, потому что некуда было больше деваться. Нет, было, еще было куда деваться, конечно, но мама, моя мама решила, что это лучше. И меня с нянькой взяли в действующую армию на Юго-Западный фронт, которым командовал Брусилов. Такие слова, как Перемышль, это мои детские слова, потому что я его брал.

Мой отец там был в это время начальником госпиталя. А потом, могу посмотреть послужной список, там написано, что он начальник гужевого транспорта Красного креста Юго-Западного фронта. А мама была

старшей хирургической сестрой. Она сразу же, как началась война, она кончила курсы. Поехала именно в папин отряд.

Я там был. Я помню некоторые вещи, конечно, рваными эпизодами. Был очень тяжелый депрессивный приступ, когда я увидел, как резали свиней. Госпиталь же! Привезли свиней. И на площадке, где мы играли, их начали резать. Была еще какая-то девочка.

Ну, дальше, мы отступали. Да, мы и наступали, мы воевали везде. Сперва на Юго-Западном фронте, с Брусиловым. Когда это все рассыпалось, оказались мы каким-то образом, не ясно, не восстанавливается, но в какой-то момент мы оказались на Кубани.

Да вот как, как же, помню! Когда начал разваливаться фронт, отец сформировал громадный санитарный поезд, из 30 вагонов, примерно. Погрузили всех раненых и поехали в Россию. И куда приехал? В Царицын. И долго защищали Царицын от большевиков. 1919 год. Там моя двоюродная сестра Нина Романовская вышла замуж за офицера какого-то. Я был мальчиком с образом. И потом совершили этот ледовый поход и оказались на Кубани. Так что в 4 года я был на Кубани.

Я без ботинок, из всего вырос, в дамских чулках. Какой-то папин ординарец сплел из веревок мне тапочки. Вот в этих тапочках я прибыл на Кубань. Начали войну на Кубани. Я помню, как плакали мама и ее подруги, когда убили Лавра [Корнилова]. Потом – война. Все названия: Тихорецкая, Прохладная, там еще какие-то, Туапсе, в конце концов, из Новороссийска, когда уже потерпели поражение...

Были во Владикавказе, в каком-то монастыре стояли. Мне там монашки шили (я же рос из всего, что было), сшили френчик с погонями. А какой-то выписывающийся раненый флотский офицер подарил мне кортик. Я ходил тяжело вооруженный.

Да, Владикавказ! А потом там и папа заболел сыпным тифом, и мама заболела и няня! Я к тому времени уже переболел тифом и брюшным и сыпным, еще на Кубани. Я не знаю, но думаю, что родители так в своем передвижном госпитале и болели.

И я, в конце концов, во Владикавказе остался один. Мне было лет пять. И меня взяли в дом к священнику Дубянскому. Вот тот, который упоминается в Воронежском «Деле мелиораторов». Александр Евгеньевич Дубянский - сын вот того самого священника, он профессор Воронежского сельскохозяйственного института

После этого, когда кончилась кампания на Кавказе, мы попали на пароход «Тигр». Все бросили, кроме раненых и персонала. Всё, всё, всё осталось на берегу, имущество, всё, нельзя было на пароход. На этом «Тигре» мы прибыли в Севастополь. Сдали раненых, а сами отправились формироваться в Феодосию.

Мы сели на пароход «Тигр», еще какая-то девочка была. Меня не укачивает по природе. У меня такая особенность – никакой морской болезни. Мы с этой девочкой играли в мои куклы.

Вот туда приехал Борис, раненый, был у нас недели две. До этого, на Юго-Западный фронт к нам приезжал Лев, раненый тоже. Мы его даже возили с собой какое-то время.

Не на месте же госпиталь стоит. Передвижной, фронтовой госпиталь. 50 конных фур - кухня, дама, которая ведала бельем, у нее же был и

попик с церковью, со своей выдвижной, раскладной, кухня, вошебойка, аптека, две операционные – грязная, гнойная и чистая. Потом две фуры – это персонал. Причем отец строго очень следил, чтобы у каждого служащего было не больше одного пуда вещей. Когда грузились, переезжали, ставились весы! Я даже это помню. Ставились даже мои куклы, у меня были две куклы. Ни нянька, ни я не учитывались, учитывались только папа и мама, они ведь работали. То есть мы могли везти все только 2 пуда. Что там - не смотрели. Куклы мои ставились, это для смеха, может, но отец стоял и следил. Потом трогались. Обоз растягивался на километры.

Прибыли в Севастополь, отправились в Феодосию. Вот туда приехал дядя Борис. После этого началось Врангелевское наступление, весеннее. 20-й год. Мы дошли, вот это я твердо помню, до Екатеринослава. Потом мы начали отступать и стали за Перекопом.

Я это слышал, я помню, мне 6-й год шел.

А когда Перекоп прорвали, мы бросили все имущество еще раз, оставили только раненых и персонал. Причем раненых, которые могли как-то передвигаться, выписывали. Выдавали им какие-то фиктивные справки, выписывали. Оставляли только лежачих и тех, кто не мог передвигаться самостоятельно.

Я не знаю, может, папин госпиталь был один такой? Он брал всех раненных, в том числе и красноармейцев. Привезли их в Симферополь одновременно с разъездами Красной Армии. Отец не пошел на регистрацию, отказался идти. И правильно сделал. Потому что всех зарегистрированных потом расстреляли. А мама, вот мы же привезли раненых и сдали в госпиталь. И мама при этом госпитале была сестрой. Так она и осталась в госпитале.

Нам не удалось эмигрировать, родители не могли. Красноармейцы потом отца очень поддержали во время первого ареста. Они написали, что к ним хорошо относились, их лечили, выдавали документы. Отцу это помогло.

Мы жили какое-то время при этом госпитале. Отец скрывался. Иногда заходил к нам ночью. Это было очень редко, и меня не будили. Потом его там, в Симферополе, посадили. Тогда он легализовался. Начал уже там работать, как это ни странно, юристом в милиции тогдашней. Он где-то увидел объявление, нужны были юристы, он пошел. Его тут же и арестовали. По доносу, что это – Борис. А Борис, когда он вернулся с развалившегося фронта, сделал очень поступок нехороший. Вот дядя Лева не вернулся, он сразу пошел к Корнилову. Да. А Борис вернулся домой, и его здесь мобилизовали и назначили командиром Красной армии, какой-то дивизии или полка. Он же был ротмистр, у него же специальность была военная, воевал уже 4 года. Специалист! Его назначили. Борис распропагандировал полк, перешел на сторону белых. Вот в Симферополе сказали, что отец это Борис, враг. И отца арестовали. Посадили в ЧК. Но очная ставка показала, что это – не Борис. Доноситель сказал, что похож, но не Борис. Отец предъявил такие документы, где было видно, что он - не военный. Начальник госпиталя, но не военный. Он ходил во френче, с пистолетом, но не был офицером.

Месяца два отец был арестован. Мы ничего не знали. Мама работала в госпитале острых инфекционных заболеваний – сип, холера, тиф. И домой она не приходила. Она с нянькой встречалась где-то и передавала с ней заработанные продукты.

Нянька, Нюся, моя была обожаемая. Мама выписала ее, как только я родился. Она и маму самую вынянчила в свое время. Мы так и жили с Нюсей. Я никогда ее в жизни не называл Нюся, только няня. Сперва жили мы где-то в центре, снимали большую довольно квартиру у каких-то караимов. Там было большое зеркало, трюмо, я даже помню немножко обстановку. Под этим трюмо я устраивал себе дом. Мои куклы там жили. Две куклы были всю войну.

Караимов в конце концов уничтожили большевики. А тогда я политикой мало интересовался. А мама у них, у караимов, дежурила, у больных. Там сплошной был сыпняк. Мама дежурила, зарабатывала еще какие-то деньги.

Няня это мое больное место. Еще в Симферополе, когда жить стало невозможно материально, совершенно...

Мы жили с бабушкой, я мама, папа, а зарабатывала одна мама. Мама сняла с себя кулон, какой-то о-очень дорогой, плакала, наверное, две недели, и отправила няню во Псков. Мы больше не виделись. Она потом умерла быстро, заболела тифом и умерла. Она заболела сыпным тифом, потом заболела брюшным, там во Псковской губернии. И этого она уже не вынесла. Оставалась у нее дальняя родня во Псковской губернии, она оттуда не вернулась. Это рана на груди моей мамы и моя. Нахлынуло....

Потом, как-то незаметно для меня, но взаимоотношения между моими родителями портились. И мама решила искать себе более подходящую работу. Мы с ней сели на автобус. Тогда открытые были автобусы, там человек 15-20 могло ехать. Мы поехали в Крым. Да, мама работала в это время медсестрой в центральном курортном управлении ТУК, и папа там работал. Он был, по-моему, в отделе, который занимался экономикой, экономистом был. Мы с мамой поехали в Крым.

Дело в том, что когда рушился фронт, отец отправил своего сотрудника Милькевича с женой и двумя детьми в Симферополь, чтобы найти пристанище для госпиталя. Мы же бежим в Симферополь, чтобы найти, куда деваться с ранеными. Этот Милькевич доехал до Алупки, и в Алупке организовался. Мы решили поехать туда, в Алупку. Вот и поехали в Алупку на открытом автобусе. От Ялты уже едим в сторону Алупки, навстречу нам шла машина легковая. И вдруг мама и женщина, которая ехала в машине, начали страшно кричать. «Остановите, остановите!!!». Оказалось, что это мамина двоюродная сестра, тетя Катя. А она ехала в Ялту, ехала со своим мужем Евгением Александровичем Аболтиным. Чудо! Встретиться на двух разъезжающихся машинах!

А он был директором большого санатория. Потом уже в 30-е годы, в 35-м или 36-м даже году он был директором сельхозиздательства в Москве, в Министерстве сельского хозяйства. Я был у него. А его брат был председателем ЦИКа Крыма, впоследствии, я твердо знаю, был расстрелян. По всей видимости, они оба были репрессированы.

Вот тетя Катя сказала маме, куда ей приходиться, потому что они уезжают сегодня, послезавтра вернутся. Послезавтра они вернулись, и мама стала сестрой-хозяйкой этого санатория. А папа остался в Симферополе. Он приезжал к нам иногда. Мы с ним в городки играли. Мы прожили в Мисхоре в доме отдыха в общей сложности года четыре. На зиму уезжали в Москву, когда дом отдыха закрывался.

Это был военный дом отдыха. Там я познакомился с Зорге. Тогда у Зорге была какая-то другая фамилия, это я потом узнал, что он – Зорге. У него была своя комната, постоянная. Он иногда приезжал, иногда уезжал. Сам Аболтин сказал, что это был Зорге.

Вот, я пропустил один момент. Когда моего отца выпускали из тюрьмы в первый раз, вот тогда, когда с братом путали, его выпускал не кто иной, как Иван Дмитриевич Папанин. Который был тогда комендантом Симферопольского ЧК. Он сказал, что он бы не выпустил, а шпокнул. Но выпустил, тогда такое бывало. Хотя была там невероятная стерва, которая устроила погром офицеров, громадного количества офицеров, вот тех, как раз, которые пришли зарегистрироваться. Землячка там была главная, Розалия Землячка, вот она там была.

Как раз в это время папа сидел еще, а мама и другие жены ходили на кладбище, где их расстреливали, и они обменивались там записками. Ну, например, мама принесла записку, развернутый мундштук папиросы. Там написано: «Нас расстреливают, передайте» и кому передать. У мамы долго была эта записка, она искала, кому передать. Ну, потом... Вот так.

Потом мы решили, это уже было в году в 24-м, перебраться все-таки в Москву. И отец. Вместе. Мы на минуточку приткнулись на Арбате, а потом мамина подруга уезжала в Монголию со своим мужем, и оставила нам свою квартиру. Это было на Спиридоньевке. Мы в этой квартире прожили два года, и бабушку забрали с собой, Марию Ивановну. Мы с бабушкой жили, мы с ней ходили на Патриаршие пруды.

До этого мы жили в Перловке и Лосинеоостровской. У Блиновых, Блиновы такие были. Я там пошел в школу, прямо во второй класс. С бабушкой мы занимались, и до сих пор, если я знаю что-нибудь из истории, так это от бабушки. Бабушка меня просвещала, она была высокообразованная женщина. Она знала и языки прекрасно, и английский, и французский в совершенстве, и немецкий, и историю. Мама тоже знала французский. И постоянно родители разговаривали на французском. Но мне это как-то не очень привелось.

Устроились мы, в первое время было очень плохо. Отец какие-то конверты клеил. Тогда же НЭП уже начался. И вот какие-то коммерсанты, им нужны были конверты, отец клеил конверты. Ругался...

А мама сразу пошла в госпиталь. Но потом нашелся статистик папиного отряда, вот передвижного госпиталя, Темкин Александр Владимирович. Он устроил маму работать в справочное бюро. Будочка на Арбатской площади. И тут же была моя школа, 31-я школа, так что я заходил к ней в перерыв. Но это уже после Спиридоньевки.

Это когда мы уже жили на Арбате, Арбат, 48. Переехали, потому что нас из квартиры попросили убраться. Мамина подруга задержалась в Монголии надолго, и они потеряли право на квартиру. Мы переехали к

маминым дальним очень-очень дальним, скорее, знакомым чем родственникам. Хотя и родственникам. Потому что одна из дам, Анна Петровна, была замужем за Петром Владимировичем Шамбарантом. У них была большая квартира, и они нам выделили комнатку одну. Арбат 48, квартира 8. И там мы прожили до ареста моих родителей, до 27-го года. Но когда арестовали, все кончилось.

В 27-м году их арестовали обоих. Дома, прекрасно помню. Большая комната была, стояли два шкафа, там было отделение бабушки. А здесь – родительская кровать, моя кушетка, мой письменный стол. Пару ящиков моего стола я сдавал папе в аренду. За что мне выписывался журнал «Следопыт» и «Вокруг света».

Тогда сразу арестовали целую группу родственников – Шамборантов – и их родственников. Пытались даже назвать это дело «дворянское гнездо». Арестовали отца, маму, дядю отца, Петра Владимировича Шамборанта, теток моего отца, в общем, 7 человек. Сразу, в один день. По доносу, конечно. Петра Владимировича выслали тоже, он жил в Александрове.

Отца – на Соловки, мама просидела полгода в Бутырках, а потом нас с ней выслали из Москвы. Называлось, минус шесть. Но на самом деле, это минус, по крайней мере, пятьдесят. Потому что нельзя было жить ни в прибрежных городах, ни в приграничных, ни в столицах союзных республик. Даже в Ялте нельзя было. Знаю, что очень много, я не считал. Тогда мы потеряли Москву, московскую квартиру.

Бабушку отправили на Кавказ, к дочери от первого брака, тете Тамаре. По отцу ее фамилию, я не знаю. В Северную Осетию, в город Беслан. 20 километров от Владикавказа. Тетка опростела, она готовилась к поступлению в Сорбонну, знала английский, французский в совершенстве. В 1910 году она сбежала с осетинским проводником. Они были на водах с бабушкой, и она не устояла против этого красавца. Его звали Афако. Он был высокого роста, носатый, черноволосый.

Я-то его уже видел лысым наполовину. Вышла замуж за осетина, стала Фриева. Нарожала ему 6 или 7 детей. Я знаю только про двух. Была старшая дочка, которую звали Тики, она уехала (почему-то они все разбежались из дома, не знаю почему), была в Азербайджане замужем. Потом еще была дочка Зара, я ее даже устраивал на работе на комбинат Бесланский. Я был там последний раз в 50-е годы, ездил в командировку. Уже тетка и Афако умерли. А был младший сын Израил, он тогда был шофером.

Ну вот, бабушка поехала на Кавказ, а мы с мамой в Тифлис, к маминному дяде. Он был, по-видимому, двоюродным братом моего деда Модеста Модестовича Карамышева. К ним поехали сперва. Некуда было деваться совершенно. Но там быстро очень выяснилось, что, во-первых, я не могу учиться в школе. Я пошел в школу, меня устроили, я пришел в класс. Это был уже 5 класс, я пришел, побыл там день и сказал, что больше я в эту школу не пойду. Это был мой первый самостоятельный протест. Потому что все говорят на грузинском языке. Преподаватели говорят на грузинском, дети, даже русские, говорят на грузинском. Я ничего не понимаю. 5-й класс для меня прошел мимо. Я тогда, кстати, опять стал собирать марки. Собирал-собирал, до катастрофы с войной.

А занимался я с дедушкой. Русским языком, историей, математикой. А потом нам заявили, мама ходила каждую неделю отмечаться в КГБ, в НКВД, ей заявили, что она не имеет права здесь жить, потому что это столица. Мы уехали оттуда. Но куда? Поближе к Москве. В город Зубцов, в Тверской губернии. Почему мы туда поехали? Потому что там одно время мамин двоюродный брат дядя Ваня работал. Мы этот город знали. Да и от Москвы недалеко, 140 километров.

От отца информация была очень скудная, раз в месяц письмо. Мы могли ему писать, а он очень редко. Раз в месяц или в два месяца, я не помню. Он на Соловках пробыл от звонка до звонка – 5 лет. Тем временем мы прожили в Зубцове какое-то время, но оказалось, что и там мы жить не можем, маме не дают работы. Запретили. Там больница и одна, и вторая, и поликлиника, а районные власти запретили ее принимать на работу, как высланную. И мы тогда еще раз переехали, в Воронеж. В общем, мы скитались, пока не притёрлись в Воронеже.

Есть даже мое свидетельство о рождении. Оно выдано Воронежским ЗАГСом в 33-м году, потому что когда надо было получать паспорт, надо было предъявить свидетельство о рождении. А у меня его не было, мама его уничтожила. Там восприемник у меня граф Сологуб, еще что-то такое, мама его уничтожила. Меня крестили в деревни, крестный - граф Сологуб какой-то.

Семья наша была не очень религиозная. Бабушка моя, я ее очень любил. Бабушка меня водила в храм Христа Спасителя... Она стояла под доской и меня ставила под доской, где была выбита фамилия Виктора Шамборанта, в Георгиевском зале. Она не верующая была, по-моему. Икон у нас дома не было.

Но в Воронеже тоже не удалось устроиться. А устроилась она в больнице под Воронежем, в Касторинском районе. Там сахарный завод, Алынинский сахарный завод и Новоалексеевская районная больница. Мама была очень высококвалифицированной хирургической сестрой. Она была в госпитале старшей сестрой. И операционной, и с наркозом. Взял ее молодой врач Русанов, он был сыном профессора Русанова, хирурга и заведующего хирургическим отделением клинической больницы в Воронеже. У меня даже есть письма, его характеристики мамыны. Он еще и знаменитый охотник, он писал об охоте, и Ваня, мой внук, он тоже увлекается охотой. Я ему отдал характеристики мамыны, подписанные Русановым.

Мы там жили какое-то время. Потом, в конце концов, вот этот профессор Русанов взял маму себе в Воронеж, старшей сестрой. Она хирургическая сестра со времен Гражданской войны, она там научилась делать наркоз. Я даже помню такой случай, в Воронеже. Там был Профессор Русанов, страстный охотник был и ушел как-то в воскресенье со своей собакой. Принесли женщину, которая не могла разродиться. Мама начала мыть руки. Что делать, человек умирает, надо делать кесарево. Слава богу, Русанов пришел.

Мы доживали в Воронеже до возвращения моего отца. Он вернулся в 32-м году.

К этому времени мама бросила свою специальность, потому что потребовался переводчик с французского инженеру-французу, который

монтировал оборудование фирмы Ротто. В разных местах: в Лисках, под Воронежем, в других местах, в Белоруссии. Она жила рядом с французом, потому что у него контракт был длительный. Он работал целые полгода, потом уезжал домой. Даже привозил свою жену и дочку. Мама работала с ним года два. А я учился в Воронеже, окончил школу.

Отец приехал в Воронеж, и мои родители развелись окончательно. Мама уехала в Москву, а отец остался в Воронеже.

Бабушка умерла в 32-м году на Кавказе, у Тамары. Она там похоронена, я был на ее могиле. Мама переехала в Москву, а я остался в Воронеже, сам. Я уже давно жил один. В 30-м году я окончил школу, а в 32-м я уже работал. Когда я окончил 7 классов школы, директор, такой Павлов-Мирошников, вызвал маму и сказал, что ему сказали соответствующие органы, чтобы меня в следующий класс не переводить. Значит, я окончил 7 классов. Но это как-то маловато.

Есть еще один момент, который я должен рассказать. У мамы было много школьных подруг, гимназических. Там была Елена Леонардовна Дубянская, вышедшая в свое время замуж за студента Дубянского. А он стал профессор геологии и почвоведения и зав. кафедрой Воронежского сельскохозяйственного института.

Мама моя получала, удивительно даже, 37 рублей. Папе же надо было посылать что-то. Она посылала ему сало, сахар, один раз в какое-то время надо было посылать посылку. Потом нам носить надо было что-то. Первые мои штаны мне сделали, когда я школу, по-моему, кончил. Вот эти семь классов. Первые длинные штаны, когда уже стыдно было ходить в коротких.

Тяжелая была жизнь, материально. И никаких доходов со стороны. Вот когда мама начала работать переводчицей, вот тут положение улучшилось. Относительно 37-ми рублей. Скажем, она стала получать 60 рублей. В общем, окончивши школу, я пошел работать. Одновременно со школой я учился на курсах чертежников-конструкторов Иерусалимского, заочно. Он издавал лекции, я выполнял все лекции и научился чертить. Я получал сколотые, такие сшитые брошюры из 6-8 листов с заданием. Я делал и отсылал. Делал и отсылал.

Меня взяли работать на Отрожский вагонно-ремонтный завод, в конструкторское бюро. Это Отрожка, сортировочная станция Воронежа. Надо было ехать на поезде, который отходил 6 часов 20 минут. Я вставал в половину шестого, хотя никогда не относился к жаворонкам. Мне платят, фантастика, это был шок!!! Мама получала 40 уже 2 рубля, а я получал 83!!! Самое настоящее пиршество. Мама поехала даже на Соловки! Она смогла съездить на Соловки!!! То есть отцу разрешили свидание, она поехала, съездила. Вот как ведь было.

Мама две вещи себе не могла простить, собственно, три вещи. Первое, когда мы жили в Симферополе, в 20-х годах, в начале, нам подбросили ребенка, мальчика, под дверь. Мама его принесла домой, мама его помыла, пыталась ему что-то дать есть. Она его отдала в детский дом. На другой же день. Это – первое, что она не могла себе простить. Няньку (*плачет*). Бабушку, что она ее не взяла в Воронеж. Вот одна комната, маленькая, где мы жили. Ожидали, что вот-вот отец

приедет, и она не взяла бабушку. Вот три вещи, из-за которых она казнилась всю жизнь.

Однажды нас приютили в Воронеже очень милые люди, Кожевниковы такие. А у них была в свое время гимназия своя, женская гимназия. Потом это стала 5-я школа. Рядом была моя, 3-я школа. Они нас приютили, они нам дали маленькую комнату. Через знакомых, через княгиню Нину Евгеньевну Бекман-Марчеву. Ее мама моя знала еще по тем временам, когда они учились на курсах медсестер. Потом княгиня в одно место попала, а мама в другое, поехала к отцу, а княгиня к своему мужу.

Потом папа приехал. И тут же мои родители развелись. То есть мама его дождалась, все с ее стороны было безупречно. Мама работала с французом, а мы с отцом жили вдвоем.

Я должен еще признаться, хотя мне это не очень приятно, что мой отец оказался слабым человеком. Вот мама была очень сильным человеком, о-очень. А отец – нет. Вот то, что он пережил, катастрофа общая, потеря всего, его подорвала. Он спился. И когда он вернулся к нам, это уже был совсем не он. И мама конечно... А мама запаха не переносила. Она за меня боялась, в какой-то степени. Хотя это – напрасно.

Мы остались с отцом, и тут же меня уволили с работы. По сокращению штатов, так было написано в справке.

На самом деле там была девочка Верочка, я за ней приударил. Довольно-таки пристально уже. А ее брат был начальником, вернее не начальником, а работал в отделе кадров этого завода. Потом, я везде писал, меня в то время заставляли писать в своей биографии, что я дворянского происхождения.

Это началось с биржи труда. Вот я окончил школу, тогда была безработица еще. Я пошел на биржу труда. Я прошусь, чтобы меня послали учеником токарей и станочников на завод «Коминтерн». Так кажется, назывался. Я вычитал, что завод набирает учеников. А эта, на бирже мне говорит: «Хотите переменить сословие? Превратиться в рабочего?». Этак, с издевкой. И послала меня учеником к частному фотографу. Я страшно обиделся и не пошел. Какая ситуация-то была!

Частично из-за этого, а частично из-за того, что старший брат девочки решил, что лучше от меня подальше, меня уволили «по сокращению». Меня одного! Из 47-ми человек в техническом отделе, меня одного! Хотя я был уже и приличным конструктором, освоил параллельную специальность, синьки делал с чертежей. В общем, бесполезный был человек. Я какое-то время помыкался, а потом поступил на завод огнеупорных изделий, конструктором в отдел главного механика. Причем очень хорошо сработался со своими сослуживцами и начальством. Ко мне хорошо очень относились. Год я там проработал.

Это в 8-ми километрах от Воронежа. Жил я там, у Аллы Ивановны Вольф, матери моего лучшего, усопшего в тюрьме друга, Юры Вольфа. А он жил у нас в Москве. Юра Вольф жил у моей мамы и Георгия Константиновича. Сын крупного воронежского промышленника в Воронеже, немецкая фамилия, ну, неважно. Его сестра, Женя, кажется,

жива до сих пор. Они в Перловке живут, я не могу туда добраться просто физически.

Да, и вот я там поработал год, а потом туда приехала мама. И вдруг меня вызывает главный инженер в рабочее время. Я ничего не знал. Прихожу к главному инженеру. Секретарша мне позвонила в отдел, где я работал: «Вас вызывает главный инженер». Я пришел. Мама! Она приехала из Москвы. А тогда уже был приказ – нельзя было переходить с места на место. Сталинский приказ, тот самый, знаменитый 31-го, что ли, года. Нельзя было переходить, нельзя было опоздать. Опоздал на 20 минут, уже в тюрьму. Он мне говорит: «Напишите, пожалуйста, заявление, что вы по семейным обстоятельствам просите вас освободить от работы». Мама мне ничего не говорила. Я написал. Он тут же написал резолюцию. Тут же я пошел в отдел кадров, забрал свои шмотки, мы сели с мамой на поезд, уехали в Воронеж. Купили билет и уехали в Москву.

Оказалось, что дорогая Алла Ивановна, мать моего друга, предупредила маму, что у этого сукиного сына намечается непристойный роман. С ее точки зрения совершенно несовместимый. Девушка была из деревне. Мама тут же снялась, примчалась, в два дня все поломала. Я даже не успел с ней попрощаться, с девочкой, с Верочкой. Я слышал, потом она вышла замуж.

Приехали в Москву, уже была нужна прописка. Это был 34-й год. Паспорт я получил там, в Воронеже ...

Да, мама вышла замуж тем временем, как говорят, за Дмитрия Константиновича Хрущева. Папиного приятеля, много лет нас знавшего, крупнейшего воронежского помещика. У него было самое богатое имение, у Дмитрия Константиновича.

Дело в том, что когда мой отец окончил правоведение, его назначили чиновником особых поручений при губернаторе в Воронеже. Отец один съездил, побыл там какое-то время. Но началась война! Очень может быть, что он тогда и познакомился с Хрущовым. А потом, после войны мы сразу как-то получились, как общая семья: вот Хрущовы, Шауровы. Дмитрий Константинович окончил Петербургский политехнический институт, потом Берлинский политехнический институт, усовершенствовался, и был инженером-слаботочником. Как мы бы сегодня его назвали радиоинженером. Он не был женат.

Мама вышла замуж за Хрущева довольно-таки быстро. Мама стала Хрущева. Они жили в Перловке.

Они поженились в 34-м году, а мама родилась в 1894 году, ей было 40 лет. Он немножко старше. У мамы не могло быть после моего рождения другого ребенка, так случилось.

Никого от Хрущовых сейчас не осталось. У него братьев не было. А отец Дмитрия Константиновича, как будто бы был профессором минерологии Петербургского университета.

Дмитрий Константинович, конечно, был в белой армии. И был ранен под Перекопом. Его друзья Шауровы нашли там, раненого держали у себя дома и не позволили ему идти на регистрацию. Просто его спасли. Ему удалось скрыть это, никто не донес.

Он никогда не работал в советских учреждениях. Несмотря на то, что он был арестован уже в 38-м году, он никогда не служил ни одной минуты в учреждениях. В каком-нибудь, где надо было бы писать анкеты... Он не мог вынести советской службы. Ну, органически не мог. Он не мог пользоваться гардеробом, вешать номерок, снимать его. Весь дух он не переносил, вовремя приходил и так далее. Это было выше его человеческих сил. Дело в том, что Дмитрий Константинович имел очень высокую квалификацию как инженер-слаботочник. Он даже монтировал в свое время наш первый передатчик Коминтерн, а потом в НЭПовские времена он был техническим руководителем фирмы своего друга Ивана Васильевича Шаурова. Называлась она «Все для радио», в Столешниковом переулке был магазин у них. На самом деле он принадлежал какому-то богатому, Дмитрий Константинович был там администратором. Он конструировал новые аппараты, делал их сам. Когда НЭП кончился, они где-то на Новослободской улице организовали другое производство – делали в мастерской кровати.

Последнее время он делал кровати, монтировал лифты. Вот чем он занимался. Делал металлические кровати, настоящая мастерская была, где он был техническим руководителем. Но и сам тоже делал. Они прилично зарабатывали. Вот, например, для того, чтобы обеспечить мой проезд из Воронежа в Москву, он сделал большую реконструкцию той дачи, государственной, где мы жили в Перловке. Там было две комнаты. Но это было мало площади, чтобы прописать-то меня. Там внутри дома была лестница на второй этаж. Он вынес эту лестницу наружу, таким образом расширил площадь, так что уже мне хватало. Он не сам это сделал, нанял рабочих. Но сделал проект, как сделать. Он же был инженер, причем классный инженер.

С Дмитрием Константиновичем мы были в большой дружбе. Он был в высшей степени порядочный человек. Я его знаю с 20-х годов. Когда мы вернулись из Крыма, мы даже вместе снимали дачу. В Перловке, снимали дачу вместе. Они в одной половине, он со своими друзьями, с Шауровыми, а мы – с папой, с мамой там с бабушкой в другой.

И вот начались муки с моей пропиской. Не прописывают. Мы в Мытищи в милицию – не прописывают. «Пущай, - говорят, - живет, где прописан». Мы пошли к самому главному начальнику на Петровку, 38. И вот мы идет оттуда по Петровки, обратно, и возле Художественного магазина, почти на углу со Столешниками... Идем понуренные, потому что полный отказ, у последнего генерала мы были, больше некуда идти, мы проходим, понуривши головы, на 1-й автобус, который идет на Ярославский вокзал, чтобы ехать в Перловку. И вдруг около пассажира машина стоит какая-то, газик. Мы прошли 10 метров от этой машины. Я поворачиваюсь к маме и говорю: «Мам, ты знаешь, а ведь там – дядя Ваня!» «Где?» «Да вот, около машины». Мы возвращаемся и, действительно, дядя Ваня. Мамин двоюродный брат, сын Александры Антиповны. Моя бабушка – Ольга Антиповна. А это сын – Ольги Антиповны, мамин двоюродный брат, Иван Иванович Евстратьев, Старше мамы он лет на 10-12, может быть, даже больше, сейчас не помню. Потому что на фотографии мама была маленькая, а он – большой.

Объятия, крики, не виделись с военных времен, с тех времен. Ничего никто друг о друге не знал. Мы ему рассказываем о нашей ситуации. Он говорит: «Завтра приезжайте ко мне. Я живу в Кунцеве». Почему у него машина, что, как, мы ничего не знаем. Оказывается, он...

Когда арестовали моих родителей, я жил у дяди Вани, называлось место Тугарес, это по Куровской линии. Он там был межевым инженером, инженером путей сообщения. У него контора была, он ведал геодезической группой. Я там жил у него в 27-м году, когда арестовали родителей. У меня было два брата, троюродных, дяди Ваниных сына. Один из них потом утонул, а второй еще в 30-е годы к нам приезжал, но потом связь оборвалась.

Тоже я там немножко учился черчению, хотя тогда и ничего не знал, но там была большая чертежная. И мальчишки, которые там работали, молодые люди, которые работали у дяди Вани, они нам давали подрисовать. Так что с инструментами я уже был знаком до курсов Иерусалимского.

Мы с мамой приезжаем к нему на другой день. Оказывается, он бросил свою межевую специальность, потому что он выиграл по Осовиахиму автомобиль. Билетики такие, Осовиахима. Он автомобиль сдал в аренду Кунцевской пожарной части и сам на ней шоферил. Автомобиль перекрасили в красный цвет, и он возит на ней начальство – Кобровского. Не помню, как его звали, но фамилия – Кобровский, начальник Кунцевской пожарной части. Оказалось, что именно в этот день, когда мы ходили на Петровку, он ехал в милиции по какому-то поводу. Забарахлил мотор, он остановился. Открыл капот. Причем он был в каком-то солдатском обмундировании.

На другой день мы приехали, дядя мне говорит: «Какой разговор! Пойдем». А мама с теткой своей осталась, сидела в это время. С тетей Сашей, Александрой Антиповной. Она не позволяла себя бабушкой называть. Детям своим позволяла, а мне нет. Для меня она была тетя Саша.

Мы пошли к этому Кобровскому, я написал заявление. Тут же меня приняли в Кунцевскую пожарную часть, и тут же было поручено какому-то делопроизводителю пойти меня прописать в общежитии. А живу с мамой в Перловке.

Так пожарным я и начал свою деятельность в Москве.

В это же день я пошел, и хлопнули штампель в мой паспорт. Год, почти год я там проработал. Ну, я работал-работал в пожарной части, даже карьеру стал делать. Даже грамоты имел. Мне предложили даже учиться на подготовительных курсах Ленинградской пожарной академии.

Самый крутой пожар был – в Дорогомилове, химзавод горел. Там я опозорился.

Дело в том, что я боюсь высоты. Меня на лестнице подняли на крышу здания со шлангом на плече (еще без воды, правда). Я должен был в окно войти, и там мне включают воду. Меня подняли, я стал на крышу... А 6-й этаж. Я встал сразу на карачки. Вдруг слышу по мегафону: «Кто там ползет, на карачках?» С таким хорошим матом. В общем, я дополз до окна, туда юркнул. Понял, что мне нельзя быть пожарным.

И потом, все-таки надо же было учиться. У меня же за душой ничего, кроме курсов черчения.

А у меня есть еще родственница, которая говорит, что она моя двоюродная сестра, хотя это не совсем обоснованно, юридически. Она дочка Бориса, старше меня на год. И Екатерины Ивановны Церкуновой, которая вышла замуж за Церкунова.

Дело в том, что веселая компания была очень в Дурновке, молодые люди. Там молодые агрономы, бабушкины выученики, молодые зоотехники, бабушкины выученики. Там были инженеры из Бельгии – веселая компания. И еще соседи Глазовы...

Кстати, бабушка им тоже сделала много полезного. Вот есть такой Глазовский переулок, сегодня есть в Москве. На углу Глазовского и Смоленского бульвара была когда-то их усадьба. А в имени они уже подразорились сильно. Бабушка моя нет, она деятельная, она наоборот цветет, а они были инертные. Бабушка порекомендовала им этот участок продать. С помощью ее, бабушкиного, адвоката продать и построить доходный дом. Что они и сделали. Они продали участок и построили дом, рядом, в Обуховом переулке. Прямо напротив резиденции нашего Алексия. Там и сейчас можно видеть этот дом. Он очень заметный. Во-первых, он угловой, а во-вторых, там в бельэтаже фигурки ангелов, которые заглядывают в окно. Четырехэтажный, причем модерн.

Вот эти Церкунова, Татьяна заявляла, что она моя двоюродная сестра. Будто, ей мама рассказала, что она не дочка своего папы Церкунова, а дочка Бориса. Она была похожа сильно на свою маму, и потом я тогда не очень присматривался.

А моя так называемая сестра вышла замуж за Висинина. Я был на их свадьбе. Он работал в Союзпродмашине, в здание Оргметалла, здесь, напротив вокзала. Он работал конструктором. Меня уже тяготить стала эта пожарная служба. И он мне говорит: «Знаешь, есть у нас место конструктора. Приходи». Я пришел. Тут же был оформлен. И стал конструктором фирмы Союзпродмашина Минтяжмаша.

Мы проектировали оборудование элеваторов всех крупных строящихся тогда предприятий пищевой промышленности. В частности, Микояновский комбинат, мясоперерабатывающий. Бисланский маисовый комбинат, оборудование для него делали. Я работал в элеваторной группе.

Вот тут я и решил, что учиться надо. Поступил на рабфак, окончил и поступил в институт, строительный. Он назывался коммунального строительства, потом он уехал в эвакуацию, куда-то в Сибирь. А у меня уже дочка была, и я с ним не поехал. И заканчивал уже МИСИ.

Я же работал в Союзпродмашине, это было громадное конструкторское бюро. Там в одном зале сидело человек сто.

Там много девушек было хороших. А одна ведала билетами театральными, это была общественная нагрузка. Тогда же необходимо было иметь какую-нибудь общественную нагрузку. Я у нее покупал билеты, и водил разных девушек в театры, на балет и так далее. Я даже каялся перед ней, что я других девок-то водил. У нее покупал билеты, а водил других девок.

Однажды, в 35-м году, был праздник по поводу Октябрьской революции, на котором нельзя было не быть. Тогда времена были такие. Надо было быть. Это было на Тверской, в кинотеатре «Арс», в котором сейчас театр Юного зрителя. Мы двое, два человека немножечко опоздали, на 2-3 минуты. Я, потому что ехал из Перловки, а она, не знаю почему. Когда уже все ушли в зал, вот я и моя будущая жена, вот она как раз билетами торговала, мы вошли. Я ее пропустил, помог ей снять шубку. Так как мы опоздали, оказалось, что очень хорошо, что мы пойдем вдвоем. Мы пошли вдвоем, где-то нашли местечко и сели. Вот тут-то я и пропал. Я как галантный кавалер ее проводил до дома на площади Восстания. Во флигеле Странноприимного дома, который на углу стоит. Отсюда начался роман.

Я просил руку Верочкину и ее мамы, у Марии Ивановны. Ну, она согласилась. Мы хороводились не очень долго. Это случилось, значит, 7-го ноября, а 29 апреля следующего года мы поженились. Я приехал в Перловку познакомить маму с моей невестой, и маме она очень понравилась

Мама была в очень хороших отношениях с Верочкой. Я думаю, что это из-за ума и такта их обеих. Мама считала, что я сделал хороший выбор. Они - маркизы. Не знаю, как бы мама отнеслась, если бы Верочка была другого происхождения. Потому что к той девочке, за которой я приударял в Воронеже, мама к ней хорошо относилась. Она не хотела, что я женился, потому что я еще не был готов жениться. У меня не было жилья, мне некуда было ее привести.

Первое время мы жили в Перловке, у мамы. Уже после того, как посадили всех, Верочкиного отца посадили, а маму выслали, мы уехали на Садово-Кудринскую. Верочка оттуда не выписывалась, и мы заняли там комнату. Марию Ивановну выслали в Чимкент. Ее дочери – Тамара и Маргарита даже ездили к ней. Потом она была на вольном поселении и там умерла от рака.

Там, во флигеле Странноприимного дома мы и прожили 20 с чем-то лет. Там родили обеих детей. Садово-Кудринская, дом 1, квартира 8.

И прожили вместе с Верочкой мы 66 лет и 20 дней. В прошлом, 2002-м году 19 мая она умерла. Вот так.

Наступил 38 год. Отец – в Воронеже. Мама с отчимом – в Перловке. И я – в Москве, уже женат. Ляля родилась в 39-м году. Я как раз собирался в 38-м году, когда будет отпуск, поехать Верочку показать моему отцу.

Отец жил не совсем один. Екатерина Ефимовна Савченко ее звали. Она была балериной Одесского театра оперы и балеты. Ее посадили на Соловки, освободилась она после папы. Потом приехала к нему в Воронеж. Между прочим, вот, у этой Савченко остались мои коллекции марок. Я собирал много лет марки России, была хорошая коллекция. И к ней приходил немецкий офицер с каталогом, когда война началась, и выбирал мои марки. Что-то брал себе, а ей приносил муку и сахар. Когда немцы начали уходить, он прислал своего денщика и полмешка муки. Он оставил муку, и уже без каталога забрал всю коллекцию и увез. Я тем временем опять собирал марки. Меня с детства учили

собирать марки, по каталогу, чтобы все зубчики, чтобы было квалифицированно.

Мой отец рисовал немножко. Все у нас рисовали. Мой дед, Александр Викторович, он зарабатывал последнее время тем, что был художником-декоратором Нижегородского театра. Он там подрабатывал. Отец очень неплохо рисовал. И я тоже, более-менее. Но у меня другая беда, у меня дальтонизм. А не отличаю всё, все цвета. Поэтому иногда смешно получается. Вот у меня на стенах висят картинки, все что маслом, это я нарисовал. Вот замок Шамборантов во Франции, который разрушился. Это вид, если смотреть с разных сторон.

Кстати, Володя Шамборант там был, видел остатки нашего замка. Когда произошел развал Советского Союза, конный завод растащили, а Володе подарили одного жеребца из выводка. Но так как в Москве жеребца он же не мог держать, то он его сдал в аренду какому-то конному заводу. Там же на Кубани. С условием, что они будут его использовать как производителя, но если с жеребцом что-нибудь случится, то они выплатят Володе определенную сумму. По тогдашним временам это были какие-то деньги копеечные.

Вдруг Володя мне говорит, что жеребец пал. А одна из девочек, которая работала на конном заводе (почему-то много девочек постоянно крутятся около лошадей), она сказала, что жеребца продали. Даже сказала, что в Италию, что переделали ему документы. Но Володя уже ничего не мог сделать. Ему выплатили эти деньги. И он истратил на поездку во Францию. Родственники французские его повезли смотреть на замок. Больше того, его возили в военную часть, которая носит наше имя. Володя, между прочим, кроме русского не знал ничего.

Вот, я хотел ехать знакомить отца с Верочкой. Но тут как раз все и произошло. Арестовали моего отца. Вот эта Савченко (а может Совченко, я уже забыл), она мне прислала телеграмму паническую: «Папа арестован». Через две недели арестовали Верочкиного отца. Леонида Александровича Меранвиль де Сент-Клер. Причем они друг друга не знали. Нет никакой связи.

Фамилия моей жены Меранвиль де Сент-Клер. Тесть мой был адвокат известный, расстрелянный. В нашем же издании Коммунарки он есть. Но он, с моей точки зрения, запятнал себя участием в революции. Он сам ковал ту гильотину, на которой его казнили. Я ему этого простить не могу. Он был председатель реввоенсовета в Белгороде. Он в партии был. Он не то, что принял революцию, он ее делал. Сперва он был присяжный поверенный в Белгороде, потом вот председатель РВС. Он работал в Малом Совнаркоме, прямо у Сталина. Подписывался он фамилией Меранвиль, де Сент-Клер как-то потеряли. Вспомнили потом только в КГБ. В книге памяти написана его фамилия полностью, причем без разрыва Меранвиль Десентклер.

Но глаза-то у него давно открылись. Он вышел из партии в 23-24-м году. Он был известнейшим в Москве адвокатом, с обширной практикой. Когда он еще был в партии, ему поручили создание коллегии защитников. Адвокаты тогда назывались защитники. Он был долгое время председателем коллегии защитников. А потом просто частным

адвокатом. Я с ним обсуждал то, что творится кругом. Он все понимал, он был антисоветски настроен. Он когда был молодой, он совсем не на такое рассчитывал.

Недавно мне звонили из Белгорода, спрашивали, нет ли у меня каких-нибудь о нем материалов. А то они хотят назвать улицу его именем.

Прежде чем его расстрелять, ему сломали спину. У него был клиент в его адвокатской деятельности, и вот у этого клиента, был знакомый, который сидел с Леонидом Александровичем в одной камере. Его потом выпустили, когда Берия пришел. Еще бы 6 месяцев, может, и моего отца и Леонида Александровича бы выпустили. Потому что Берия выпустил сколько-то человек. Вот этот человек рассказал, что Леонида Александровича принесли на одеяле со сломанной спиной. После чего он все подписал. А его судили в Верховном суде, на Никольской, и там же и расстреляли. Первый раз, когда его судили, он отказался от всех своих показаний. Потом ему сломали спину, и он все подписал. А Марию Ивановну, выслали, уехала куда-то на Восток, в Казахстан, и там в ссылке она умерла.

Леонида Александровича расстреляли в 38-м, как и моего отца. Разница в несколько дней. А я же женился в 1936-м году. Мы пошли в загс 29 апреля, краснопресненский загс был тогда на Миусской площади, где институт Менделеева.

Моего отчима Дмитрия Константиновича арестовали в 1941 год, он погиб в лагере в этот же год. Это стало известно от моего приятеля Юры Вольфа, которого тоже арестовали. Он написал письмо своей маме, Алле Ивановне, что Дмитрий Константинович умер от голода и болезней. Они по одному делу проходили.

Дмитрия Константиновича обвинили в том, что он рассказал, что когда он учился в Петербургском университете, то студент мог пообедать за три копейки. Это были щи, каша с маслом и любое количество хлеба. Вот это была антисоветская агитация. Его по 58. 10 статье и заслали. Он там и умер, сразу. С точки зрения Советской власти он был виновный, конечно, человек. Он поступил в Добровольческую армию вольноопределяющимся. Правда, это он это намертво скрывал.

Когда война началась, мне стыдно признаться в этом, но я не один так думаю. Те четыре миллиона пленных, которые были взяты в первые два месяца войны, они думали, так же как и я. Что мы за эту власть воевать не хотим. Я думал так. Что вот с этой властью нужно разделаться, а уж с немцами мы справимся запросто. Я понимал тогда, что немцы не могут управлять этой страной. Не могут, и никогда не смогут. Мы вот так думали. Юра Вольф думал так же, совершенно, мы с ним были совершенно одинаковой точки зрения. Мы с ним были откровенны. С ним я запросто обсуждал. С мамой, конечно, мы были откровенны. С мамой, с Верочкой. А с Дмитрием Константиновичем, он же умер до войны. Он же окончил Берлинский университет, у него мать была немка. Конечно, он думал, что прежде всего нужно разрушить вот эту власть.

Меня пытались в армию призвать. Но у меня была ограниченная годность, как ни странно, по сердцу. Два тифа подряд в детстве

наложили на мое сердце какой-то отпечаток. Плохой. Поэтому все комиссии признавали меня ограниченно годным. Нас на окопы не брали, тем более второй категории.

В 41-м году около нас, на площади Восстания упала большая бомба. У нас вылетели все рамы, двери, пол поднялся. Это, во-первых. Во-вторых, я был тогда студентом, видимо, немного голодовал. Так как на студенческую зарплату прожить было нельзя, я устроился работать конструктором на Краснопресненском механическом заводе. До этого на заводе делали вентиляторы. А тут начали делать минометы. Режим работы был 12 часов. В 9 я приходил и в 9 уходил. Там кормили два раза в день, из-за этого я и работал. А Верочка не работала, у нее был ребенок маленький. Причем, довольно болезненный.

Было довольно голодно, прямо скажу. Тут бомба упала. А тетка писала все время: «Да приезжайте ко мне. У нас огород, кукуруза, у нас куры, индюшки, у нас бараны. Приезжайте, мы вам выделяем одну комнату». А дом такой, построенный еще бабушкой моей в свое время. И вот, в конце-концов, в апреле 42-го года мы решили уехать туда. Причем уехали очень много народу: Верочка с двумя тетками, мама, мой ребенок и я. Я взял в военкомате командировку на две недели – проводить родных. Ехали 5 дней, через Сталинград.

Приехали, наконец. Тетка устроила грандиозный обед. У них на чердаке висела баранья туша, копченая. Она устроила какой-то осетинский плов, с кусками этого мяса. Я поел и катастрофически заболел. Местные врачи сказали – это ленинградский синдром. Потому что я определенно подголаживал. Потому что меня кормили на заводе два раза, но то, что там было – котлетка, или кусочек курицы – я приносил домой. Мне девочку было жалко. Все ничего, а оказалось, что дистрофиком являюсь я. Верочка это объясняла тем, что я ничего не ел, а всё им оставлял. Во всяком случае, (смеется) 4 года я безусловно не ел сахар, не ел белый хлеб.

В общем, у меня была дистрофия ленинградского типа. А у меня кончается срок отпуска от военкомата. Я послал жену зарегистрироваться в военкомат. Меня поставили на учет там. Но не очень заинтересовались, потому что я был неполноценный вояка.

Когда я стал поправляться, тетка мне сказал: «Сходи, у нас комбинат есть, может, тебя и возьмут». Вот я и пошел. Это случилось 8-го мая 1942 года. Я пришел в военкомат в отдел кадров. Там оказалась москвичка. Очень она обрадовалась москвичу, послала меня к главному инженеру. Потом это оказался мой самый большой друг на всю жизнь – Георгий Андреевич Сагаянц.

Меня приняли старшим конструктором в отдел главного механика маисового комбината. Потом они мне оба рассказывали, они оба стали моими большими друзьями, они между собой говорили, когда я ушел: «Давай возьмем, жалко его, такой худой». Вот, меня взяли. Это определили все мою дальнейшую жизнь и карьеру.

А мама работала в Беслани сестрой. Это была ее основная специальность. Она любила, у нее хорошо получалось. Ее очень ценили хирурги. Я одно время преподавал в школе математику в старших

классах. Недолго, когда комбинат эвакуировался. Но он быстро вернулся.

На комбинате нашлась мне подходящая работа, которая определила мою дальнейшую специальность и квалификацию. Первое время работал конструктором, потом помощником главного механика по эвакуации. Мы эвакуировали комбинат полностью, я отвечал за загрузку вагонов. Мы не успели пересечь Каспийское Море, как немцев отогнали, слава богу, комбинат вернули. Мы начали восстанавливать.

Эта работа определила всю мою судьбу. Я там же сделал карьеру, быстро. За три года я там стал известным человеком. Сперва я работал конструктором, потом помощником главного механика, потом фактически главным механиком. Потом меня назначили начальником цеха. Там это завод. Громадный комбинат, который перерабатывал в сутки 500 тонн кукурузы. И вот начальником одного из заводов меня назначили.

Дело еще было в том, что я неправильно себя повел. Так получилось, что я посадил, ну, выгнал с работы трех человек, почти подряд. Сперва своего кладовщика...

Очень я не любил воров. Я увидел на заводе, что там такое-ое творится, что мне даже не снилось никогда. У нас там были типа элеваторных банок, куда складывались корма, отход производства патоки и глюкозы. Там входит белок, крахмал. Очень высококачественный белковый концентрированный корм, который добавляют для скотины. В одной банке было 140 тонн. Всю банку заполнили до самого верху, я сам видел. Ходил, смотрел, мерил – банка полная. На другой день – банка пустая, а требований у меня было предъявлено всего на 60 тонн. А куда девались остальные? Я поэтому предложил кладовщику подать заявление об увольнении. Я пожалел его седины, он старый был человек. Он подал заявление об увольнении, я его уволил. Тут же, это было на третий день моей работы.

Потом у меня проворовались два техника. Дежурные техники. Один заставил всю смену ведрами наливать масло кукурузное в бочки двухсотлитровые, которые стояли на подводе. Там на заводе давили, делали кукурузное масло. Я одного техника поймал на этом месте. Меня предупредили, позвонили: «Вот Володя там делает то-то». Я позвонил механику, которому я очень доверял, приятный бел человек, мы с ним пришли, и застукали их на выходе. Когда они уже уезжали с комбината. Я его снял с работы, тут же, ночью.

Назначил вместо него старшей рабочую. Когда я сменил кладовщика, я назначил работать эвакуированную женщину, пожилую, русскую. Все было в порядке. Вдруг она мне звонит в контору. Со склада звонит мне, что техник Бежеров, техник дежурной части, что он грузит подводу пароконную корнями, а требований ей не дал. Я говорю: «Позвоните мне, когда он погрузит. Она мне звонит, говорит, что погрузил. Я тогда параллельно с подводой подошел к выходу. Охранник его выпустил, а я потребовал у него документы на эту подводу. Он мне чушь какую-то дает. Этого Бежерова я тоже снял. Тут же назначил старшую рабочую сменным техником. Он, Бежеров, в меня стрелял, слава богу, не попал. В доме около окна стоял мой стол.

Там у нас дома кухня была. Я сидел за столом, обедал. Вдруг выстрел, и пуля мимо меня в стенку. Я думаю, что это он. Я доказать не могу, но думаю, что он. Через неделю, примерно, такой же жестокий был порядок. Мы же очень ценили свое производство и любили его, как это не странно.

Мы должны были побывать во всех трех сменах – утреннюю смену, дневную смену, где я просто работал, и в вечернюю смену. Вот, в вечернюю смену заходит за мной мой товарищ Георгий Андреевич Сагаянц. Мы рядом жили, мы пошли. Походили по своим заводам, убедились, что все в порядке, все материалы есть, рабочие все на местах, не пьяные, и уходим. А на проходной мне охранница говорит: «Вас просил зайти директор».

Директор у нас был Булатов, бывший участковый милиционер из Владимирской области. Смотрю, действительно, у него горит свет. Он мне говорит: «Вчера было бюро партийное и резолюция, что начальник завода кормов Георгий Георгиевич Шамбарант проводит неправильную национальную политику. Может быть большая неприятность. Я тебе рекомендую уехать, потому что тебя посадят».

Он мне достал из своего сейфа 5 тысяч рублей, сам написал командировку, сам написал: «Шамбуранд» и сказал: «Билет я тебе уже заказал на поезд Баку-Москва. Он отходит в 5 часов 40 минут. Чтобы тебя утром здесь уже не было».

Я пришел, поцеловал жену, взял котомочку и отправился на вокзал. Уехал в этот же день в Москву, в командировку в главк. Видимо директор уже поговорил по телефону с Москвой, потому что меня тут же, прямо сразу назначили главным энергетиком главка крахмало-паточной промышленности. Было тогда такое управление. Это случилось примерно 4 апреля, а приехал я обратно 10 июня. Два месяца я пробыл в Москве.

Мы вернулись после войны на Садово-Кудринскую. Там оставался всю войну Сережа, муж Верочкиной сестры. У Верочки было две сводные сестры. Даже не сводные, а Верочкин отец, Леонид Александрович разженился со своей женой, женился на другой женщине, на вдове с двумя девочками, и он усыновил двух ее дочерей. Они были с нами в Беслани, потом раньше нас вернулись домой.

Верочкина сестра Маргарита так и не вышла замуж. А у Тамары было два мужа. Сережа постоянный муж, первоначальный, а потом Алик. Алик был инженер в области радиотехники. Работал на каком-то военном предприятии. Там где делались телевизоры «Рубин». Хороший был специалист. Он был коммунист. А Сергей Павлович Павлов он был настроен антисоветски, но, тем не менее, не очень высказывался на этот счет.

Мама вернулась в Перловку. Там оставалась мамина тетка, жена маминого дяди Гаврилова. Когда ее муж умер, она уехала с Украины и жила с мамой в Перловке. И во время войны никуда не поехала, осталась.

Я работал много очень, у меня же двое детей, надо их кормить. А зарплата была ничтожная, тысяча сто рублей. Хотя я числился главный технолог. Мне нужна была логарифмическая линейка. Потому что я проектировал энергетические установки во многих учреждениях –

Гипрохлопкопром, Проммолоко. Я в этих учреждениях, кроме своей родной Росглавпатоки, я еще там работал старшим инженером по проектированию энергетических установок. Мне нужна была большая хорошая линейка.

Был один такой случай. Я поехал не за линейкой, у меня была катастрофа с башмаками. Не в чем было ходить. В тапочках ходил на работу. Я поехал в Софьино, там был открытый торговый рынок. Ну, барахолка. Я искал там себе ботинки.

И вдруг идет человек, и несет большую логарифмическую линейку. Я, конечно, в него вцепился. Но он заломил очень большую цену. У меня было с собой на башмаки 800 рублей. А он заломил очень высокую цену. Я с ним начал страшно торговаться. В конце концов, мы как-то сторговались. Но башмаков я так и не купил. Дома, потом я рассмотрел линейку. Тут вот написано: TDK, Эльза и фамилия. Фамилию я не могу прочесть. Это – трофейная линейка. Он украл ее, этот сукин сын, он украл ее в Германии! Только тогда война кончилась.

А линейка эта нас всех кормила по-настоящему, я ее сохранил до сих пор. Я проектировал дизельные установки для Гипрохлопкопрома, котельные установки для Гипромолоко.

Множество раз мне предлагали в партию вступить. Но я отбивался. Начали мне предлагать еще в Беслани, когда я был начальником завода. Очень много сил я потратил на восстановление этого завода. Его же эвакуировали, а потом вернули. Тут-то я и сделал карьеру. Я же какой-то момент был начальником ОКСА – отдела капитального строительства. А беспартийный, и за мной ходили. Но я всячески увивал, маневрировал. Мол, ладно, я потом, дайте мне подготовиться.

Когда Сталин умер, (хохочет) мы неделю не выходили из дома. Чтобы морды наши не светились. Мы тогда жили на площади Восстания. Когда он умер, дура Лялька пришла зареванная из школы. А Верочкина сестра сводная была замужем на Аликом, он был как раз коммунист. Лялька пришла зареванная, и они с Аликом стояли, обнявшись, и плакали. А мы не могли скрыть радости на своих лицах, совершенно. Никто! Я говорю, по крайней мере, неделю я не выходил из дома совсем.

Мама после войны жила в Перловке до тех пор, пока не появилась у меня возможность получить квартиру отдельную. Тот институт, где я был начальником лаборатории, строил дома. Предложил мне в Кореневе квартиру, трехкомнатную. Это рядом с Малаховкой, по Казанской ветке. Мы тогда взяли маму, прописали к себе. Если бы мы маму не прописали, нам бы дали только двухкомнатную. А так нам дали трехкомнатную квартиру, мы ее поменяли на Москву, в Кузьминки.

В Кузьках, как моя Верочка называла всю жизнь, «в Кузьках». Мы там прожили много лет, 20 лет.

Мама работала до 70 лет в МОНИКИ. Она была хирургической сестрой очень долго. Была старшей хирургической сестрой, потом перешла в санитарную авиацию и работала там диспетчером. Она любила свою работу и, наверное, хорошо исполняла. Был такой профессор Артабеков, такой дамский хирург, заведовал

гинекологической клиникой в МОНИКИ. Он без мамы не делал операции. Если мама почему-то не могла, он переносил операцию. А он был уникальный специалист, к нему со всего Союза приезжали.

Мама умерла в 76-м году. Похоронена здесь, на Хованском кладбище. Мы недавно все там были. И дочери мои, и Ваня.

Мама моя была очень сильная женщина, очень сильная. Она ничего не потеряла, ничего из того, что было в ней заложено воспитанием, происхождением. Она ничего не потеряла, совершенно. Отец мой спился.

Мама, моя мама как относилась к Советской власти? (смеется) Она, конечно, ходила на службу всю жизнь, но Советскую власть она не приемлела ни в какой степени. Так же как и мы все.

Я себе всегда находил таких друзей, которые соответствовали моему умунастроению. На Беспланском маисовом комбинате у меня было много приятелей. Но друзья такие неравзливные это - Георгий Андреевич Сагаянц и Константин Константинович Балашов, Анатолий Иванович Еремеев. С Сагаянцем мы сразу сошлись на антисоветской почве. С Еремеевым труднее было, но тем не менее. Потом он стал директором комбината. Мы с ним вели совершенно антисоветские разговоры. Абсолютно! Мы обсуждали вопросы сталинизма, посадок страшных, расстрелов, процессов. Он тогда был еще главным механиком. Потом однажды он мне сказал: «Вы знаете (мы с ним были на «вы», несмотря на большую дружбу), я вступаю в партию, поэтому те разговоры, которые мы с вами когда-то вели, больше их не будет». И все, он стал директором, членом партии. Но дружбу мы сохраняли до его смерти. Мы переписывались.

А Сагаянц, во-первых, сам сидел. Когда арестовали директора, главного инженера комбината, тогда арестовали и Сагаянца. Его там истязали страшно, привязывали к батарее, кормили селедкой, не поили. Он обманным путем как-то попросился в туалет, его повели, и он там обхватил унитаз и пил оттуда воду. Он умер, к сожалению. Они все были старше меня лет на 8 на 10.

В Москве таких близких друзей у меня не было.

Близость с детьми, чтобы была такая душевная, ее нет. Во-первых, все очень заняты. Потом у них такие важные дела. Сейчас так трудно жить. Всем не до этого.

Детям я о себе рассказывал, но они знают поверхностно. Они знают и подробности, но что-то их не так интересует. Младшее дитё, Ольга, она больше интересуется. У меня одна внучка Юля, ей 33 года. У Юли трое детей. Один внук, Ваня Битов. А у Вани двое.

Между прочим, хорошее дело делает «Мемориал»! Я в сборнике школьных работ нашел дело «Воронежских мелиораторов». Я там нашел своих учителей – Грищенко, Иванов. Это мои учителя – черчения и тригонометрии. Замечательное мемориальское дело, его надо расширять! Чтобы было больше детей и школ. Сами работы перевернут психологию детей.

Я не удовлетворен своей жизнью, потому что я не убил Сталина. Это не смешно. Я должен был искать оказию. Должен! Я не оправдал надежд своих родителей, поэтому я своей жизнью не доволен. Они

хотели вырастить достойного человека, но я оказался недостаточно достойный. В таких условиях, я должен быть искать возможности. Это – не поза, а внутреннее самочувствие.

Пропащая жизнь. Вот если бы я способен был писать, я бы написал. Пропавшая, украденная жизнь. У нас, действительно украли жизнь. Причем хорошую, добропорядочную...

Два моих дяди 6 лет воевали, ранены были по несколько раз...

Я считаю, что 50 лет минимум здесь жизни еще не будет. Все очень идет туго и не в ту сторону. Мне так кажется, всю жизнь казалось и продолжает казаться, что хороший человек работать в КГБ не пойдет. А сейчас вся верхушка оттуда.